

Хотя Линь Цинюй не совсем понял слова Лу Ваньчэна, он думал, что примерно понял их смысл. Лу Ваньчэн мог так легко говорить о своей скорой смерти, неужели он действительно не боится смерти?

В конце концов, Лу Ваньчэн был болен. Способность продержаться до сих пор уже была его пределом. Он лег на кровать и сказал: «Красавчик, ты...»

Линь Цинюй строго сказал: «Прекрати это бесцеремонное обзывательство».

Из-за его внешности, когда Линь Цинюй путешествовал с учителем, его часто преследовали развратники. Рты этих людей, которые на каждом шагу называли его «красавицей» или «баобэй*», он безумно хотел заткнуть их самолично приготовленным ядовитым зельем.

[Примечание: Вǎobèi дорогой, любимый; прелесть; деточка, сокровище, золотко (обычно о детях).]

Однако, хотя Лу Ваньчэн назвал его красавцем, он не стал глупо пялиться на него как распутник. Он не был полностью безнадёжен.

«Как жестоко. Разве ты не рад, что тебя хвалят за красивую внешность? — Лу Ваньчэн закрыл глаза и сказал: — Как бы то ни было, я собираюсь отдохнуть. Просто делай все, что захочешь».

После всей этой пустой траты времени уже прошел цзы-ши*. Ничего другого не оставалось, кроме как лечь спать.

[Примечание: Первый большой час суток. Время с 11 вечера до 1 часа ночи.]

Служанка только что помогла Лу Ваньчэну раздеться, также она вытерла ему руки и лицо. В то же время Линь Цинюй все еще был в свадебном одеянии и головном уборе, которые одел на свадебную церемонию. Между бровями у него был нарисован хуадянь*, и он до сих пор не смыл макияж с лица.

Да, сегодня он был покрашен. Из-за его четко сформулированной просьбы служанка новобрачной покрасила ему только брови и губы. Однако из-за холодной и отчужденной красоты его лица, после этих небольших изменений губы казались алыми как пламя, а брови – нарисованными с картины. Этот взгляд заставлял других без устали восхвалять его, но в его сердце была лишь тревога, заставляющая тело дрожать. То, что он сжимал между губами, казалось не бумагой для румян, но кандалами, которые держали его в заточении. И теми, кто надел на него эти кандалы, была вся резиденция Наньань Хоу, а также... императорская семья.

Он запомнит эту ненависть.

Была еще та служанка, которая заставила его использовать мазь в том месте, отчего он чувствовал себя крайне неудобно. Он запомнит и ее.

Что касается его невежественного «мужа»... Если слова Лу Ваньчэна правдивы, они действительно могли провести следующие шесть месяцев в мире. Муж и жена по имени, но не по правде. Он едва мог заставить себя не питать ненависти к Лу Ваньчэну. Юноша - просто умирающий человек, так зачем беспокоиться о нем.

Естественно, в комнате для новобрачных не могло быть двух кроватей. Единственная кровать была занята Лу Ваньчэном. Линь Циньюй решил провести ночь на луохане*.

[Примечание: Что-то вроде дивана. Картинка в конце главы, только без подушек, матраса и съемного мини-столика.]

Прошло немного времени после Праздника фонарей. Дни еще не успели потеплеть. Спя на голом луохане, легко простудиться. Линь Циньюй увидел на брачной кровати дополнительное одеяло. Слуги резиденции Хоу, должно быть, намеренно приготовили его, боясь, что их драгоценный молодой господин не привык делить одеяло с кем-то другим.

В этом случае, Линь Циньюй тоже не хотел быть вежливым.

Даже во сне Лу Ваньчэн не мог избавиться от мук и боли болезни, его брови были слегка нахмурены. Движения Линь Цинюя, когда он брал одеяло, были очень осторожными, но Лу Ваньчэн все равно проснулся.

Когда юноша открыл глаза, Линь Циньюй как раз наклонялся над ним. Его волосы упали вперед и касались щеки другого, вызывая легкий зуд.

Двое встретились взглядами. Не дожидаясь, пока Лу Ваньчэн заговорит, Линь Циньюй сказал первым: «Я беру одеяло».

Лу Ваньчэн улыбнулся.

«Бери».

Линь Циньюй отнес одеяло к луоханю и расстелил его. Как раз, когда он собирался лечь, Лу Ваньчэн сказал: «Разве ты не раздеваешься, когда спишь?»

Хотя свадебное одеяние для супруги-мужчины было не таким сложным и громоздким, как у женщины, в нем все еще трудно двигаться. Три слоя внутри и три слоя снаружи - было очень неудобно и не так комфортно, как в обычной одежде. Просто глядя на это, Лу Ваньчэн почувствовал, что устал за него.

Линь Цинюй спокойно сказал: «Естественно, я собираюсь раздеться».

Повернувшись спиной к Лу Ваньчэну, он поднял руку, чтобы развязать крайнюю пряжку. Верхний слой наряда соскользнул с его плеч и упал к лодыжкам. Часть за частью слои одежды снимались, и через некоторое время он остался одетым только в облегающую ночную одежду, как Лу Ваньчэн.

Сняв одежду, он повернулся и взглянул на брачное ложе. Очень хорошо. Лу Ваньчэн снова заснул.

***

На следующее утро, рано.

Линь Цинюй всегда спал чутко, и тихого кашля Лу Ваньчэна было достаточно, чтобы разбудить его. На кровати Лу Ваньчэн лежал на боку, лицо закрывали разбросанные пряди волос. Его поза во сне была небрежной, без малейшего достоинства.

Как только Линь Цинюй встал с луоханя, раздался стук в дверь. «Молодой господин, шаоцзюнь, пора вставать. Согласно обычаем, вы должны пойти и подать чай мастеру и мадам Хоу».

Лу Ваньчэн не подавал признаков пробуждения. Линь Цинюй открыл дверь и впустил служанок. Впереди шла Фэн Цинь – личная служанка Лу Ваньчэна. Она вошла в комнату, неся горячую воду. Когда она увидела мягкое одеяло на луохане, на ее лице на мгновение появилось странное выражение.

Половина служанок помогали Линь Цинюю привести себя в порядок. Оставшаяся половина будила Лу Ваньчэна. Линь Цинюй переоделся в бело-голубое одеяние. Его длинные волосы были просто стянуты нефритовой короной. На нем эта обычная одежда казалась изящной и полной элегантности. Однако по сравнению со вчерашним свадебным нарядом он был менее ярким и более достойным.

Фэн Цинь хотела накрасить Линь Цинюя, но тот сказал: «Не нужно».

Фэн Цинь: «Но я видела, что вчера шаоцзюнь был накрашен».

«И, как ты сказала, это было вчера. — Линь Цинюй взглянул на принадлежности для макияжа на столе и раздраженно сказал: — Убери это».

Линь Цинюй закончил одеваться, но Лу Ваньчэн все еще спал. Несколько служанок собрались

вокруг кровати, тихо зовя его.

«Молодой господин, вам с шаоцзюнь пора подавать чай господину и мадам».

«Молодой господин...»

Лу Ваньчэн оставался неподвижным, выражение его лица было безмятежным, руки сложены на груди, он был похож на статую Будды.

Фэн Цинь встревоженно спросила: «Не может быть, чтобы молодой мастер Хоу снова потерял сознание?»

Линь Цинью шагнул вперед и внимательно посмотрел на Лу Ваньчэна.

«Нет, он просто крепко спит. Вы можете заставить его проснуться».

Фэн Цинь спросила, не в силах понять: «Шаоцзюнь, как мы должны заставить его?»

Линь Цинью сказал: «Кричите громче или снимите с него одеяло. Но не забывайте: он болен. Так что, если вы не хотите, чтобы его состояние ухудшилось, не мешайте ему отдыхать».

Фэн Цинь: «Но мастер и госпожа...»

Линь Цинью прервал ее: «Он уже так болен, и ты хочешь, чтобы он подал чай? Неужели правила важнее его жизни?»

В Даюй новобрачные вместе подают чай родителям на следующий день после свадьбы. Если Лу Ваньчэн не пойдет, то ему, вероятно, тоже не нужно идти.

Первоначально, еще до того, как императрица распорядилась об этом браке, жена Наньань Хоу, Лян Ши, послала кого-то посетить дом Линь Цинюя и сделать предложение о браке. Когда он решительно отказался, она обратилась к императрице, тем самым поставив семью Линь перед выбором: либо брак, либо смерть. Не говоря уже о том, что он не относился к паре Наньань как к «родственникам», он не хотел тратить на них ни минуты.

Фэн Цинь не решилась принять решение по этому вопросу. Она послала служанку доложить Лян Ши. Вскоре после этого момо, близкая к Лян Ши, пришла, чтобы передать ответ: «Мадам говорит, что, поскольку молодой мастер редко может так спокойно спать, мы не должны будить его. Она и мастер Хоу будут пить чай, поданный шаоцзюнем».

Линь Цинью усмехнулся: «Конечно же, мадам любит сына больше жизни».

Живя в резиденции Хоу, у него не было другого выбора, кроме как следовать их правилам. Как бы ни хотелось, Линь Цинюй мог только надеть белоснежную накидку и последовать за момо в зал для приемов.

По пути момо безостановочно говорила о внутренних правилах резиденции Хоу. Линь Цинюй решил, что она говорит чушь, автоматически игнорируя ее голос. Вчера на нем было покрывало невесты, и он мог видеть только несколько ступенек под ногами. Сегодня он смог увидеть истинный облик резиденции Наньань Хоу. Хотя он никогда не был во дворце, но сопровождал своего отца в резиденцию принца для медицинских консультаций. Великолепие резиденции Наньань Хоу не уступало великолепию резиденции принца. С его резными балками и расписными зданиями, великолепный и благородный дом показывал исключительный статус Наньань Хоу при дворе.

В парадном зале Наньань Хоу и Лян Ши сидели на почетном месте. Наньань Хоу приближался к бухуо*, молчаливый, с решительным и непоколебимым лицом. В свои годы Лян Ши все еще сохранила элегантность и очарование молодости, у нее было приветливое лицо. Она выглядела как добродушная мадам из высшего общества.

[Примечание: Сорок лет для мужчин.]

Линь Цинюй взял чай, протянутый ему момо. Он не мог отделаться от мысли подсыпать туда яд.

Какой яд может дать им почувствовать вкус потери свободы?

Они вдвоем пили чай Линь Цинюя. Лян Ши сказала с улыбкой на лице: «Цинюй, ты хорошо спал прошлой ночью?»

Линь Цинюй пришел в себя и сказал: «Это было удовлетворительно».

«Отныне резиденция Хоу будет твоим домом. Если есть что-то, к чему ты не привык, просто скажи маме».

«Спасибо, мадам».

Момо недовольно сказала: «Почему шаоцзюнь все еще использует «мадам»? Вы должны называть госпожу «мама», как молодой мастер Хоу».

Эта момо была действительно одержима вопросом изменения обращения*. Он просто собирался назвать ее «Измени-свое-обращение-момо». Если она так хотела, чтобы Лян Ши так называли, то почему бы ей самой не называть Лян Ши так?

[Примечание: 叩 gǎikǒu - китайская традиция, согласно которой после свадьбы жена после поднесения чая родителям мужа может называть их папа 叩 и мама 叩. 1) отказаться от своих слов, поправиться; заговорить по-иному, сменить тон. 2) переименовать, называть по-другому]

Линь Цинъюй опустил глаза и сказал: «Это сила привычки. Мне может потребоваться некоторое время, чтобы изменить обращения к вам. Я надеюсь, мадам Хоу простит меня».

Наньань Хоу выглядел недовольным, но Лян Ши великодушно сказала: «Ничего страшного не случилось. На это будет еще много времени. Первые несколько месяцев после того, как я вышла замуж в резиденцию Хоу, то также часто забывала поправлять себя».

Наньань Хоу сказал: «Несмотря на это, ты должен привыкнуть к этому как можно скорее, чтобы не смешить людей».

Линь Цинъюй подумал о родителях и молча терпел.

«Да».

Лян Ши сделала еще один глоток чая и сказала: «Ваши с Ваньчэном гороскопы восьми знаков идеально совпадают – это брак, заключенный на небесах. Мастеру Хоу и мне понравился этот момент*, поэтому мы попросили императора даровать брак. Цинъюй, в будущем ты должен ставить мужа на первое место во всех вопросах. Прислуживай у постели больного, и пусть твоя удача передастся Ваньчэну».

[Примечание: Другими словами, это была единственная причина, по которой они выбрали его.]

Линь Цинъюй оцепенело кивнул.

Наньань Хоу сказал: «Кстати говоря, ты – сын Юань Пана из Императорской лечебницы и учился у известного учителя. Твои медицинские навыки определенно неплохи».

В груди Линь Цинюя сдавило.

Да, его медицинские навыки неплохи. До всего этого он мог бы заниматься медициной или фармацевтикой, чтобы помогать людям; он мог бы помогать умирающим и исцелять раненых. Теперь его заперли во внутреннем дворе, вынуждая быть смиренной супругой-мужчиной. И у главного виновника даже хватило наглости сказать: «Хотя за состояние Ваньчэна отвечает лекарь Чжан, ты также можешь позаботиться о нем. Не трать впустую свои медицинские навыки».

Наньань Хоу занимал должность министра доходов. У него было много обязанностей, и, сказав эти слова, он ушел. Лян Ши подарила Линь Цинъюй нефритовый браслет, сказав: «Это была часть приданого, которое я привезла из родной семьи. Я хотела подарить его старшему сыну

Ваньчэна. Но теперь... — Лян Ши сделала паузу и снова улыбнулась. — Неважно, оставь его себе».

Линь Цинюй мог понять намерения Лян Ши. Она приложила столько усилий, чтобы женить Лу Ваньчэна на мужчине, но не забывала выражать неприязнь супруге-мужчине за то, что он не может рожать детей.

Все они были достойны того, чтобы быть членами резиденции Наньань Хоу. Каждый был хуже другого. Только Лу Ваньчэна он едва мог терпеть.

Линь Цинюй вернулся в Павильон Голубого Ветра, где жил Лу Ваньчэн и бросил парчовую шкатулку с нефритовым браслетом Фэн Цинь. Служанка сказала: «Шаоцзюнь, с возвращением. Молодой мастер Хоу еще не проснулся. Он так долго спал, действительно ли все хорошо?..»

Линь Цинюй остановился на полпути к кабинету.

«Я посмотрю».

Он хотел увидеть не Лу Ваньчэна, а его пульс, который бывает раз в столетие. Лекарь Чжан, вчера вечером диагностировавший пульс Лу Ваньчэна, как знал Линь Цинюй, действительно известный лекарь с настоящими талантами и практическими знаниями. Было бы жаль не исследовать пульс, которого никогда не видел даже лекарь Чжан.

Когда Линь Цинюй вошел во внутреннюю комнату, Лу Ваньчэн все еще спал. Он даже был все в той же позе, что и перед его уходом. Цинюй стоял у кровати, глядя сверху вниз на Лу Ваньчэна. Он должен был сказать, что молодой мастер Хоу не очень похож на родителей. Его внешность была гораздо более изысканной, чем у Наньань Хоу и его первой жены.

Линь Цинюй закатал рукава и вытянул кончики пальцев. Он еще не успел коснуться пульса Лу Ваньчэна, когда его руку без предупреждения схватили. Тихий, бессвязный голос произнес: «Подкрадываясь вот так, что ты собирался делать, Линь Цинюй?»

Рука Линь Цинюй напряглась.

«Отпусти».

Учитывая тело Лу Ваньчэна, он боялся, что юноша упадет в обморок, если он приложит хоть немного сил для освобождения.

Лу Ваньчэн отпустил руку. Его глаза были закрыты, но уголки губ приподнялись.

«Не волнуйся, я не люблю мужчин. Тебе не нужно так настороженно относиться ко мне».

Глаза Линь Цинюй расширились.

«Тебе не нравятся мужчины?»

«Верно. Насколько я помню, даже несмотря на то, что мужской гомосексуализм был широко распространен во времена династии Даюй, не все были обрезанными рукавами*. — Лу Ваньчэн открыл глаза и сказал: — Что насчет тебя? Кого предпочитаешь ты?»

[Примечание: 袖 duànxiù обрезанный рукав - заниматься мужеложеством, любовь между мужчинами; гомосексуалист. По преданию, ханьский император Ай-ди оторвал рукав своего одеяния, который застрял под телом спавшего рядом с ним фаворита, чтобы, вставая, не потревожить его сон.]

Линь Цинюй поперхнулся.

Прошел месяц с тех пор, как его принудили к этому браку, и никто и никогда не задавал ему этого вопроса. В любом случае, он собирался замуж за мужчину. Какая разница, нравятся ему мужчины или женщины?

«Я... Естественно, я тоже не из таких».

Лу Ваньчэн прикрыл губы и несколько раз кашлянул. Затем он сочувственно сказал: «Тогда ты, должно быть, до смерти обижен из-за того, что вышел за меня замуж в Чун Си?»

Брови Линь Цинюя нахмурились.

«Что за чушь. Если бы тебя отдали мне в Чун Си, разве ты не почувствовал бы себя обиженным?»

«Вот почему я сказал, что заглажу вину перед тобой».

«Сказать легко. Что именно ты сделаешь, чтобы компенсировать мне это?»

«Мое наследство».

Линь Цинюй усмехнулся.

«Твое наследство, за которое я должен бороться».

Лу Ваньчэн спросил: «Тогда какую компенсацию ты хочешь? Если это не будет хлопотно и напряженно, я могу отдать это тебе».

Он хотел сдать экзамен в Императорскую медицинскую канцелярию. Он хотел покинуть резиденцию Наньань Хоу. Он хотел делать то, что хотел. Но он знал, что это почти невозможно. Брак между ним и Лу Ваньчэном был дарован императором. Даже если Лу Ваньчэн согласится на развод, ему все равно потребуется одобрение императора.

Линь Циньюй долго молчал, затем сказал: «Дай мне руку».

Лу Ваньчэн взял запястье другой рукой и настороженно спросил: «А? Что ты делаешь?»

Линь Циньюй нетерпеливо сказал: «Я собираюсь проверить твой пульс».

«Тебе следовало сказать об этом раньше. — Лу Ваньчэн поднял руку и показал свое запястье. — Лекарь Линь, пожалуйста».

В комнате горела угольная жаровня, и все тело Лу Ваньчэна было укрыто одеялом. Однако, его запястье оставалось холодным. Почувствовав биение его пульса, Линь Циньюй нахмурился.

Здоровье Лу Ваньчэна улучшается, но болезнь не была искоренена. Он мог чувствовать «внезапную жизненную силу», как сказал лекарь Чжан, но тело Лу Ваньчэна было похоже на бездонную яму, постепенно поглощающую эту жизненную силу. Если не устранить первопричину болезни, Лу Ваньчэн не проживет и полугода после того, как его жизненные силы иссякнут.

От болезни Лу Ваньчэна не было лекарства.

Увидев мрачное лицо* Линь Цинюя, Лу Ваньчэн спросил: «Я спасен?»

[Примечание: Лицо глубокое, как вода [miàn chén sì shuǐ] относится к мрачному выражению неудовлетворенности чем-то или кем-то в сердце этого человека.]

Линь Циньюй спросил: «Почему ты так думаешь?»

«Потому что ты не выглядишь счастливым. — Лу Ваньчэн выглядел так, будто это не имело к нему отношения. — Будь я на твоём месте, то надеялся бы, что нежеланный муж умрет раньше».

Линь Циньюй не удержался и спросил: «Тебе действительно наплевать на свою жизнь или смерть?»

«Здесь не о чем беспокоиться. — Улыбнулся Лу Ваньчэн. — Моя судьба не в моих руках, а в руках Небес. Не волнуйся, моя вдова, ты обязательно овдоеешь».

Линь Цинюй: «...»

Автору есть что сказать:

Соленая рыба Лу: Моя судьба не в моих руках, а в руках автора. Я мертв. [Лежу, не шевелясь.jpg]

<http://bllate.org/book/15122/1336620>